В некотором царстве, в некотором государстве жил-был себе один мужик. Много лет на государевой службе трудился, горного Приказа всякие дела решал. Ну и стал к зрелым годам мужик этот сурьёзным, авторитетным, значит, приказчиком. Много народу под ним всякими государевыми горными делами занималось.

И надо сказать, что неплохо у того Приказа дела шли, даже, сказать бы, хорошо. И казне всяких нужных каменьев этот Приказ сыскал, и воды ключевой горной для народу выявил, и карты знатные горные–где, что ценное в земле может находиться — составлены были. Да всё и не перечислишь, что было ими полезного сделано.

Ну,то-есть Приказ этот горный на виду был. И народишко, что в нём трудился, почёт всякий имел — и знамёна, и грамоты, и даже награды разные на знамени этого Приказа имелись.

А сам мужик-то, что этим горным Приказом ведал, понятное дело, тоже наград всяческих, да и грамот — и государевых, и от верхних начальственных служб–понаполучал немало. Знать, на хорошем счету — как приказчик всего этого дела — состоял.

И была у мужика этого ещё одна сурьёзная, надо сказать, забава, али как ещё её назвать, не знаю. Всё хотел он поглубже уразуметь, как лучше горные государевы дела решать — шибко любознательный был — ну это как бы пытливость ума проявлял. Говорят,вроде наукой это дело называется. У нас-то оно, это дело, бают, бескорыстное, но на пользу общую нужное.

Ну так вот. Статейки он всякие да книжонки научные сочинял — думал, что для государева дела подмога какая будет от его умственных размышлений.

Понятное дело, что и тут мужик этот — приказчик, значит,– всякие научные звания да и награды за свои раздумья достаточно подзаработал.

Кто знает, может, и лишку старался, может, и слишком много наград всяких на его кафтан понавешали.

Но что было, то было.

Да одно плохо. Здоровьишко у него стало пошаливать, и крепко. То одно прихватит, то другое. Лекари и говорят ему, что пора бы полегче работу сыскать.

Ну и сам уже понимает — годков-то немало накопилось, от сурьёзной его работы и сердчишко ноет, и голова седая часто побаливает, да и других всяких хворей немало. Решил мужик наш — всё, пора из приказчиков уходить,попроще работу сыскать, да поскорее. Думает, пока голова работает, так какую-то хоть пользу людям ещё принесу.

Да вот незадача. Наступили для того горного Приказа трудные времена, и не только у него, а и у всех таких Приказов тоже.

Кризис (мудрёное какое слово!) подошёл, значит. Стали меньше работ этому горному Приказу заказывать, а особенно — государевых. С частью работников, жалость-то какая!,распрощаться пришлось. Хорошего мало, да что делать — выживать надо.

Да ещё Указ государев вышел — переходить этому Приказу на другую, значит,форму — как хозяйствование вести.

Подумал наш старый приказчик и решил, похоже, совесть проявить — обделаю-ка я сначала все эти переходные проблемы, а потом уж и на отдых можно.

А надо вам сказать, что команда помощников у него толковая собралась– все мужики дельные да ответственные. Ну почти все.

Конечно, не без человеческих слабостей (а у кого их нет?), но по работе все крепко старались.

Но вот сам приказчик старый-то наш шибко разболелся тогда.Знай, мечется — то к лекарям, то дома лежит, то на работу сорвётся, то на операцию срочную ляжет, то опять, перевязанный, в свой Приказ из лекарнисбегает — понятное дело, беспокоится, как дела решаются! Потому как у команды одна задача главная тогда была — одолеть переходный этот трудный момент, вступить побыстрее в эту самую новую форму хозяйствования. А там уж и дела свои, понимаешь, все наладить окончательно.

В общем, дождались-таки, перетерпели. Все документы оформили, перешли на эту новую форму, разобрались, что к чему. И стали дела потихоньку устраиваться: с долгами по налогам расплатились; зарплату, что народишку своему работящему задолжали,– вернули.

Вроде, жизнь Приказа этого идёт всё лучше и лучше. Ну, а приказчик-то старый в это время снова в лекарню попал, хорошо там его обсмотрели, да и говорят лекари, что надо ему операцию на сердце делать. Причём говорят, категорически настаиваем.

Решил он тогда — схожу-ка я в отпуск, подкреплюсь здоровьишком, да и на операцию лягу. Надо, понятно, её сделать, а уж потом и чем попроще заняться.

Правда, ещё одно дельце для своего Приказа важное решил он, несмотря на отпуск, доделать.

Заказы на дорогие работы тогда заказчики разыгрывали по придуманным каким-то конкурсам.А нашему горному Приказу уж больно нужны были два сурьёзныхзаказа. Потому как хорошие работы предлагались,богатые. Но без больших денежных взносов к конкурсам никто, знамо дело, не допускался.

А денег свободных у нашего горного Приказа не было ведь тогда.

Вот наш мужик-то и договорился с особой денежной конторой– дают они ему нужные деньги. Поэтому, хоть и в отпуске,но на работу в понедельник он пришёл — эти вопросы дорешать.

Пришёл, значит, а у дверей его кабинета с этакой нагловатой улыбочкой молодой человек стоит и суёт мужичку нашему под нос бумажку. А в ней прописано, что «полномочия» нашего старого приказчика «приостановлены». А незнакомый этот Молодой Выскочка, и не горных,вообще, дел специалист, из столицы назначен, понимаешь, быть пока приказчиком нашего горного Приказа.

Вот тут наш мужик-то шибко удивился, да и, сказать, расстроился — где ж такое видано! Никаких объяснений, никакие причины не названы — и на тебе!

Но характер он, слышь-ка, всё же проявил. Не пущу, говорит этому Молодому Выскочке, тебя в мой кабинет, разбираться буду, почему и откуда такие бумажки появляются. И для чего всё это дело затеяно.

Звонит он тогда в тот Верхний Приказ, откуда эта бумажка и прислана,которому этот наш горный Приказ пока не подчинялся, но куда его должны, говорили, вскорости подчинить.

Звонит, конечно, Верхнему начальнику, тоже молодому, совсем не горных дел специалисту, то есть Верхнему Молодому Выскочке. А тот с нашим мужиком-то и калякать не хочет. Занят, говорят, по горло делами. Кое-как к его заму дозвонился, а ему тот и твердит: Что, мол, дёргаешься, жди, терпи, пока всё окончательно не утрясётся.А пока в отпуске — отдыхай, мол.

Хорошо сказать, отдыхай, когда такая невидаль приключилась. Пусть и в отпуске, а ходит теперь наш старый приказчик на работу каждый день, сидит в своём кабинете, ждёт, наблюдает с болью душевной, что творится. Да и в столицу каждый день звонит. Верхний Молодой Выскочка всё так же невозможно занят, говорить с нашим мужиком ну никак не хочет. А другие, что под ним, всё своё твердят: сиди, терпи, жди.

Но старый приказчик-то видит, что дела неладные в его родном горном Приказе заворачиваются. Уж и не до операции ему — душа невозможно, понятно, болит.

Видит он, как Молодой Выскочка командует вовсю. Грозный нрав проявляет, старую команду мужика нашего разгонять начал, потому как несогласна она с теми указами, что Выскочка пишет. Кредитов на конкурсы Молодому Выскочке денежная контора не дала, не верит ему. Говорят, мы старому приказчику верим, потому-то и обещали кредит. А тебе не дадим — кто ты такой и откуда взялся, чтоб тебе верить?

Вот те заказы конкурсные мимо нашего горного Приказа и пролетели.

Тут наш мужик-то и понял: ещё немного, и весь его родной горный Приказ, как в народе говорят,– «в трубу вылетит», к развалу дело идёт!

Давай тогда он, понимаешь, писать на верха разные: Караул! Беда, надо Молодого Выскочку убирать, ведь дров наломает, не спасти тогда уже его горный Приказ. Ну, это — во-первых. А во-вторых,пишет он – кто толком объяснить ему может, за что и почему его «полномочия» приостановлены, по какому такому праву и поводу.

Да и ещё вот что пишет наш мужик в разные конторы, которые наверху, мол, старый я уже и больной, больше в приказчики сам не хочу, но надо вместо этого Молодого Выскочки Хорошего Умника из нашего горного Приказа в приказчики ставить. Есть такой, он молодой,этот Умник,но опыта хорошего набрался,есть желание, есть характер, и люди его уважают,да и вся команда поможет ему наш горный Приказ спасти. Понятно, что жалко мужику-то нашему свой родной горный Приказ, в котором всю жизнь он проработал.

В общем, писем много написал.

И вызывают, понимаешь, его в столицу — к Самому Большому Начальнику, что всеми горными, да и другими делами ведает.

Сидят у того в знатном кабинете. Много разных Умников собралось. Есть и тот Верхний Молодой Выскочка, что калякать с нашим старым приказчиком отказывался.

Вот Самый Большой Начальник и спрашивает: А ну-ка, старый приказчик, расскажи, чего ты хочешь, и чем тебе не нравится тот, кто сейчас вместо тебя командует? Или сам хочешь в приказчики вернуться?

А мужик-то наш, ох и упёртый по характеру, всё на рожон лезет. Скажу, говорит, как на духу,– не хочу ни за что я более в приказчики вернуться, хотя и обидно мне, почему до сих пор никак мне не объяснили, зачем меня от дел отстранили. Вот. Ну а главное, почему я письма пишу,– так это то, что беда с моим родным горным Приказом нарастает, дела совсем плохи. Потому и тревогу поднимаю.

Тогда Самый Большой Начальник и молвит: А дай-ка ты, старый приказчик, оценку Молодому Выскочке, который сейчас вместо тебя делами вашего Приказа управляет.

Но наш упрямец отвечает, что, мол, не могу давать ему оценку, ведь он мне не подчиняется. Пусть его Верхний Молодой Выскочка оценивает, ведь ему этот Молодой Выскочка подчиняется.

Ну тогда, знамо дело,Верхний Молодой Выскочка тути заявляет, что ох, как и здорово же его подчинённый тот работает, землю копытом роет. Прямо — загляденье!

Вот тут-то наш упрямый мужик и добавляет, что, мол, дополню-ка я эту оценку. И показывает –всем за столом — те бумаги, которые Молодой Выскочка на свой верх пишет. А там, знай-ка, чёрным по белому и написано: долгов — море, состояние дел в нашем Приказе предбанкротное, давайте кредитов, да побольше.

Понятное дело, в кабинете Самого Большого Начальника удивление пошло большое! Тогда Самый Большой Начальник и гуторит, что всё, мол, понятно, Молодого Выскочку надо убирать и назначать нового приказчика в этот ваш горный Приказ.

Но кого?

Упрямец-то наш всё своё гнёт, называет фамилию Умника из своих, да ранних.

Он, говорит, потянет с помощью всей команды.

Но тут зашумели за столом, и Верхний Молодой Выскочка заявляет, что у нас, мол, другая кандидатура имеется. Это твой, старый приказчик, бывший заместитель–услужливый, опытный, аккуратный.

Всё-таки наш мужик не утерпел, ну и, знай, своё бает: нельзя этому человеку в первые руководители, не потянет по своим качествам. Да, мол, аккуратный, за что я и взял его заместителем. Но характером слаб, не видит главного, кругозора не хватает, да и народ его совсем не уважает.

Но не послушали нашего старого приказчика, на своём остановились.

Вернулся он из столицы домой. Думал, дело, может, и налаживаться начнёт?

Но не тут-то было. Пошёл вдруг на него всяческий чудной накат.

Сначала в газетёнке столичной неизвестный писака (под чужой фамилией — псевдоним называется) пасквиль поклёпный большой на нашего мужика опубликовал, что вот ведь как мешает он Молодому Выскочке дела вершить — пишет везде жалобы. Сам, что ли, хочет вернуться в приказчики? Чего лезет, уж и не может и не умеет ничего, только стихи писать и способен. Пусть, мол, Молодой Выскочка горных дел и не знает, но уж так старается, так старается…

Больно нашему старику, конечно же, читать эту белиберду лживую. Как такое можно печатать?! Но узнал через верных людей, что статейка эта была заказная, за её напечатание деньги немалые кем-то были газетёнке заплачены.

Ну а дальше — больше. Пошли на нашего старого приказчика заявления в разные государевы Строгие контрольные конторы. Строчит эти заявления новая команда Молодого Выскочки.А в команде этой заправляет бывший выходец из Самой Строгой Контрольной конторы.Так вот этот самый деятель всю документацию и в счётном отделе, да и в других отделах этого Приказа перешерстил. Всё искал, не украл ли что-нибудь когда-нибудь наш мужик-то у своего Приказа.

Что-то копает-копает, да всё пустое.

Строгий Контрольный приказ эти заявления не принимает. Отвечают, что нет ни признаков, ни состава преступления в прошлых действиях старого приказчика.

Но нервы-то нашему старику потрепали всё-таки, и основательно.

Да оказывается, были это ещё только цветочки.

Начались и ягодки.

Дело в том, что из столицы пришла копия письма от начальника того Государева Приказа, кому наш-то горный Приказ в то время подчинялся, до перехода на ту, помните?,новую форму хозяйствования.

А письмо это было — ответ на запрос авторитетного друга и соратника старого приказчика, который, знаете, в больших чинах бывал. Понятно, что так просто отписаться от его запроса не получится. Вот и ответил Начальник Государева приказа этому настырному другу нашего старика. А там, с ума сойти!,написано, что этот Государев Приказ знает только одного приказчика нашего Горного Приказа — нашего старика!Что, мол,именно этот Государев Приказ его, старого приказчика, и назначал.

А про Молодого Выскочку, пишет этот начальник,– он ничего не знает, и решение о «приостановлении полномочий» старого приказчика и назначении Молодого Выскочки– незаконное, потому как принималось без ведомаэтого Государева Приказа,то-есть, хозяина.

Вот так — да!

Упрямый наш мужик тут же пишет своё распоряжение. Возвращаюсь, стало быть, к руководству горным Приказом, ознакомить всех.

Да не тут-то было! Опять!!

Назавтра утром приходит он на работу, а его в двери конторы не пускают. Мужик-то и так, и сяк — не пускают его три бугая во главе с тем самым бывшим из конторы Самого Строгого Контрольного государева приказа. А в сторонке и сам Молодой Выскочка наблюдает, да два каких-то молодых человека всё происходящее на камеры, понимаешь ли, снимают.

С помощью верных соратников одолел-таки наш старый приказчик эти заслоны, втиснулся в прихожую конторы, а те три бугая его на пол свалили, рёбра помяли, да головой о плитки пола крепко приложили. В общем, досталось ему. Но мужик наш,видишь ли,не струсил. Кое-как сбросил с себя бугаев и к себе в кабинет мимо оторопевшего Молодого Выскочки двинулся. Понятно дело, в полубессознательном виде, но дошёл.

Соратники его скорую помощь, знамо дело, вызвали, а потом — звонят начальникам Надзорной Контрольной конторы — тоже приезжайте, мол, разобраться. Тем более, что и его соратники всё происходящее на камеры поснимали, молодцы.

Скорая быстро приехала, посмотрели, говорят — срочно в лекарню.

Но наш мужик, хоть и чуть живой, но упрямствует — ну характер такой. Шепчет, мол, не поеду, пока люди из Надзорной Контрольной конторы разбираться не приедут.

Приехали и эти — по вызову соратников мужика, а тот самый выходец из Самой Строгой Контрольной конторы их перехватить пытается, да не послушались они — не вы, мол, вызывали.

Ну, составили протоколы, посмотрели на камерызаписанное. Но, представьте, тут два молодых человека, что всё происходящее на свои камерыснимали,зашли в кабинет и тоже всё норовят вмешаться!

Но наш старый приказчик, хоть и плохо ему (нутро рвёт, кишки выворачивает), но требует — кто вы такие?! Вынимают они корочки — глянька,из Строгих контрольных органов!Наблюдатели, понимаешь, за тем, как бы наш старик чего не натворил, когда его в контору не пускали.

Ну и дела!

Выгнал старик, понятное дело, их из своего кабинета.

Назавтра обратился он в лазарет, где зафиксировали все побои, а потом направили к лекарям, потому как стоять он прямо не может, качает его и мутит. Лекарь старика обсмотрел, сотрясение мозга средней тяжести, говорит. Почти месяц наш старый приказчик проболел.

Но, упрямый, всё интересуется в Надзорной Контрольной конторе, что за соблюдением законов следит, — кто же за его избиение отвечать будет?

Сходил он и к местному начальнику этой конторы с соратниками своими.

А тот глаза-то в сторону отводит и поясняет так вежливо и потихоньку: Утихомирьтесь, Вы не понимаете, с кем воевать собрались: с Самой Строгой Контрольной конторой! Не буду я возбуждать уголовное дело по факту Вашего избиения, и всё. Тем более, и бугаи заявление подали, что ты их избил тоже.

Ничего себе, думает наш старик!

И ещё одно, говорит этот местный начальник, доверительно сообщу, что проведена проверка твоего больничного листа, и проверщик, понимаешь,дал заключение, что никаких травм и сотрясений у тебя не было, лекарь неправильно диагноз поставил.А просто было лишнее давление в голове. А снятое на камеруваше-то — вообще неизвестно куда пропало.

Удивился наш старый приказчик, как это так без его ведома и разрешения эту тайную проверку провели, не по закону это, да и документы теряют, понимаешь!Но что делать… Понял, что не пробить ему эту стенку.

Написал он, правда, жалобу в Самую Строгую Контрольную контору, что сотрудники её наблюдали за его избиением,записывали камерой, но не остановили само избиение.

Правду сказать, пришёл вскоре к нему ответственный мужичок оттуда, при свидетелях принёс «официальное извинение за действия своих сотрудников».

А чуть позже и письмо от самого Начальника этой конторы пришло:нарушениев закона его сотрудниками не выявлено.

То-есть,на, старичок, утрись!

Пока суть да дело, приходит из столицы распоряжение, что, наконец, передали наш многострадальный горный Приказ в подчинение Верхнему Молодому Выскочке, и теперь тот будет решать вопрос, кому в нашем Приказе быть начальником.

Молодой Выскочка отбыл в столицу, а временным приказчиком назначили того самого бывшего Аккуратного послушного заместителя нашего мужика.

Ну а сам, значит, старик-то пока всё так и сидит в своём кабинете — с «приостановленными полномочиями», ждёт, что же дальше-то будет.

А дальше вот что пошло. Как-то к концу рабочего дня приходит к нему в кабинет молодой человек и показывает корочки — что он из Самой Строгой Контрольной конторы и пришёл доказывать, что наш старый приказчик — преступник и получал незаконно какое-то время надбавку к жалованию за владение государевыми секретами, которые по службе ему положено знать.

Оторопел наш старый приказчик. Что за дела такие? Кто эту чепуху удумал и почему молодой человек этот– из Самой Строгой Контрольной конторы?! Вроде не их это дело.

Но вскоре, понятно, догадался, когда этот молодой человек, составляя свои бумаги, стал бегать за советами в кабинет к тому выходцу из Самой Строгой Контрольной конторы, который всё бумаги в нашем горном Приказе перекапывал.

Тем более, вспомнил наш мужик, что и у того самого –столичного Верхнего Молодого Выскочки в заместителях — Генерал из Самой Строгой Контрольной конторы, где, как в народе шепчутся, бывших не бывает.

В общем, тут-то и начались беды у нашего старого приказчика, окончательно убедился он, что цветочки закончились и вот теперь пошли «на полную катушку» — ягодки.

Вскорости вызывают его, куда бы вы думали?, в местную службу этой Самой Строгой Контрольной конторы.

Тот молодой человек, что нашего мужика в его кабинете допрашивал, сидит, понимаешь, со строгим видом и требует: признайся, мол, что нарочно придумал способ обворовать свой родной Приказ.

Возмутился, понятно, наш мужик. Стал горячо доказывать, что ничего не удумывал, да и никакого закону не нарушал.

Но, в общем, после этого допроса понял он, что надобно специалиста по таким делам нанимать, помощника,то-есть. Тут ведь все мудрёные законы надо хорошо знать и уметь их читать и своё доказывать.

Пришёл наш мужик в такую хитрую местную контору, ну там ему говорят, что есть, мол, такой спец, грамотный и настырный. Но денежки,говорят, вперёд плати.

Что делать? Согласился наш старый приказчик.

И вот идут они по вызову в эту самую службу Самой Строгой Контрольной конторы на допрос, и опять прежний молодой человек снова строго начал допрашивать, что и как, и настаивает — признавайся честно в преступлении, тогда тебе послабление будет. Пиши, как на духу, всю правду.

Но упрямец наш старый всё своё твердит и пишет, что никакого преступления не планировал, никакого закона не нарушал в том, что ему предъявляют, и законно получал он свои доплаты за то, что знает государевы секреты.

Несколько часов просидели они в той службе. Всё калякали и калякали так и сяк с молодым человеком. Вроде и тот что-то понимать начал, да своё всё говорит: у меня, мол, свой генерал наверху есть, я его волю выполняю.

Вышли наши допрашиваемые на улицу, воздухом дышат, и тут нанятый спец так нашему старику спокойно и говорит: отказываюсь я вести твоё дело, не по зубам мне оно, с этой Самой Строгой Контрольной конторой воевать мне не по силам, потому как чую, что всё там всерьёз задумано.

Вот те и на! Раханул, значит, наш спец!

Ну, у нашего старого приказчика сердчишко-то тут и не выдержало. Скорую помощь, значит, вызвали, в лекарню отвезли. А там у него — приступ за приступом. Вот ему на другой день три лекаря и говорят: если срочно операцию на сердце тебе не сделать, то помрёшь вскорости тут прямо в лекарне.

Ясное дело, мужик наш согласился. Жить-то охота, тем более, справедливости добиваться надо.

Срочно ту операцию на сердце ему сделали. Спасли. Говорят — всё удачно, слава Те, Господи.

Полежал он в лекарне, а оттуда направляют его в специальный санаторий — здоровьишко после операции, да и после приступов восстанавливать. Ну, так объяснили.

Нов санатории том очень уж скоро приходит к нашему больному Главный лекарь и говорит — требуют, мол, тебя на допросы в город в известную тебе службу. Поэтому по ускоренному графику тебя, мужик, долечивать буду. Мне наживать неприятности с Самой Строгой Контрольной конторой никак не с руки!

Труханул тоже, значит.

Ну что, уехал наш мужик домой, нанял другого шустрого спеца по законам, защищать, понимаешь ли, его.

И опять вскоре требуют его на допрос в ту службу. И вот что интересно. Тот молодой человек, что первые допросы проводил, вдруг неожиданно говорит старому приказчику, даже из-за стола своего встал, что, мол, очень уважает его за большие государевы заслуги в горном,понимаешь-ли, деле, да в тех размышлениях, что наукой зовут.А потому вину его доказывать не может.

И попрощался, потому как, говорит, велено это дело, по указанию сверху, другому стряпчему передать.

Вскорости идут они с новым нанятым спецом на допрос к этому новому стряпчему.

И — ого! Не тот коленкор, как говорится, начался. Прямо из себя выходит новый-то. Ты, говорит, доказанный преступник. Признавайся чистосердечно, и всё тут. Подумаешь, ордена да звания. Имей в виду, не таких академиков я ломал, говорит!!

Но наш упрямец, старый приказчик-то, упорно всё своё горячо гуторит — никак я не виноватый, ничего не удумывал и все доплаты законно получал.

Ну, а время этого жёсткого допроса всё идёт и идёт.

Уж и голова у нашего мужика кружиться начала, и тошнота подступает. И нанятый им спец твердит допросчику — мол, плохо моему клиенту, как бы чего не случилось. Да тот всё не отпускает. Пока бумаги, говорит, все не составлю, не освобожу от допросу!

Едва отпустил новый-то допросчик наших двоих страдальцев.

Добрался-таки кое-как наш старый приказчик до дому,да там и упал на пол — кровь из носу, кишки выворачивает. Жёнка, понятное дело, перепугалась, скорую помощь вызывает. Приехали те быстро. Ставили — ставили уколы, да что-то плохо они помогали. И увезли нашего мужика в лекарню. Положили в палату, которая чудно́ называется — в реанимацию, потому как был без сознания. Очнулся он, а вокруг него два лекаря бегают — системы всякие ставят, меряют, как сказали, показатели разные.

Ну оклемался он маленько, перевезли его в общую палату, вставать запретили, «утку» подсунули.

Лежать и не дёргаться, говорят строго.

Где-то с неделю так пролежал наш старый приказчик, вставать начал.

И тут приходит к нему хмурый посланец из той самой конторы — Самой Строгой Контрольной. Так, понимаешь, очень жёстко и настойчиво требует: Поехали немедленно к нам на допрос!

Да как я поеду,– упрямствует наш старый приказчик,– вы же видите, в каком я состоянии. Не поеду, и всё тут!

А человек этот из конторы ему под нос бумажку суёт: временно исполняющий обязанности Главного лекаря разрешает взять нашего больного из лекарни на допрос.

Да-а! Что тут сказать. Тоже, видать, лекарь этот труханулСтрогой конторы.

Ну, а наш болезный всё равно упрямствует, вот ведь какой упёртый. Не поеду,– твердит,– и всё тут!

Тогда неумолимый человек из конторы заявляет громко и грозно: Не поедешь, говорит? Сейчас вот вызову двух солдат, и поедешь, как миленький, под конвоем! Понял, с кем спор затеваешь?!!

Что ж,звонит наш упрямец тогда своему нанятому специалисту: что, мол, делать?

Тот скоро прилетает и растерянно так шепчет: Ехать, понимаешь ли, на допрос сейчас надо. Никуда не деться.

Поехали, ну куда уж тут.

Ну а там всё по прежнему. Твердит этот новый допросчик: сознавайся в преступлении, доказательства собраны, свидетели опрошены, сидеть тебе в тюрьме. Это, мол, я постараюсь.

А наш старый приказчик всё одно: не пугай меня, говорит, пуганый я не такими. То, что я не виноват — и ты знаешь, и все знают. Потому не согласен я и никаких бумаг подписывать не буду.

Вот ведь какой упёртый уродился!

Вышли они со спецом на улицу. А тот тут же и лепечет: отказываюсь я вести твоё дело, не мне бороться с Самой Строгой Контрольной конторой.

Да-а! И этот спёкся,труханул тоже, понятное дело.

Ну что делать? Стал наш старый приказчик нового спеца по законам искать, чтоб, значит, помог ему в его трудном деле, и, как он был уверен, несправедливом, придуманном деле.

Нашёл он нового спеца. Всё тот выслушал, говорит, мол, берусь твоё дело вести. Оплата — помесячно.

Куда нашему мужику деваться? Думает, умник, наверное, коль так храбро и шустро согласился. Понятное дело, нанял его.

Начали и они ходить на допросы. Всё, как и раньше, идёт. Допросчик наседает, старый приказчик отбивается, спорит, доказывает свою невиновность.

А спец, которого он нанял, всё помалкивает. Бает нашему мужику, что, мол, рано возражать.

А чего рано-то? Чувствует наш мужик, что дело больно уж худо оборачивается. Надо,– требует у спеца,– писать письма с обоснованиями невиновности, доказывать так же и в той конторе, которая Главная по надзору.

А спец всё своё: рано, мол, слишком рано, потом все свои возражения изложим, когда время подойдёт нужное.

Новый допросчик уже несколько томов бумаг настряпал, допросы ведёт всё жестче и жестче,передыхнуть не даёт, понимаешь.

А нашему мужику-то совсем негоже со здоровьишком становится. Перед очередным допросом снова дома ему плохо стало, опять упал на пол, кровь из носу — видно,этакровь в голове сильно даванула.

Скорую жёнушка вызвала, опять всё по-старому — надо в больницу и срочно. Сказали мудрёно — тяжёлый криз, значит. Отказался мужик,подписку дал, что не несёт ответственности. Потому как вспомнил, как его из лекарни на допрос таскали, вот и отказался ехать.

Лежит наш старый приказчик, наколотый лекарствами, отходит потихоньку от приступа.

И вдруг жена родная приходит, плачет навзрыд. Говорит,– милый мой муженёк, позвонил какой-то мужчина и требовал, чтоб я позвала тебя к телефону. Я ему ответила, что ты не можешь подойти, так как тебе плохо, и скорая помощь только уехала. Я спросила его, чтоб он назвался, кто он такой. А он мне вдруг так криком и отвечает, что ты, мол, узнаешь, кто я такой, когда я твоего мужа в тюрьму посажу. Ты передо мной на коленках будешь ползать, умолять, чтоб я ему смягчение какое сделал! И трубку бросил. Милый мой, что это такое деется!

Ну, мужик наш, хоть и сам чуть живой, жену плачущую кое-как успокоил.

Наутро пришла по вызову на дом лекарка, выписала больничный лист и кучу лекарств.

А вскоре к ним в дверь квартиры ломятся два мужика, колотят и требуют её открыть. Но жена нашего приказчика, молодец, строго спросила: Есть ли у вас бумага для входа в нашу квартиру? Понятное дело, бумаги такой у них не было, жена их и не пустила.Так они, эти мужики, у соседки подписку взяли, чтоб та им их бумагу передала, по которой они нашего старого приказчика хотели на допрос препроводить.

От тех всех переживаний и болезней вскоре дали нашему старикупожизненную инвалидность второй (знать, и другие есть) группы.

А что дальше было, всего и не перескажешь.

Генералы, знамо дело, люди сурьёзные, от своего-то не отступятся. Потому новый допросчик дело на нашего мужика всё-таки достряпал, и направлено оно было в Контору по Надзору за выполнением закона — на утверждение.

Наш упрямец и туда, понимаешь ли, бумаги стал писать, что дело против него состряпано, шито белыми нитками, сам он никак и ни в чём не виноватый.

А оттуда короткие бумажки в ответ идут. Всё, мол, проверено,нарушениев закона нет, что и удостоверяем.

Ну, а спец-то его, знаток по законам, всё твердит, что ничего никуда писать не надо. Рано ещё, потом все козыри выложим.

Но старый приказчик упрямствует, рвётся на приём туда к генералам этой конторы. Да не приняли они его. Так, какой-то помощничекихний вышел и сказал, что всё, мол, проверено,никакихпретензиев к материалам допросчика не имеется. И всё тут! Тоже труханули, наверно, али их уговорили?

Вызвали только в эту контору нашего мужика, чтоб он подписал, что ознакомлен с решением передать дело туда, где окончательные решения принимаются.

А он и здесь, упрямец,на бумаге этой по своему написал, как на него ни шумели– что не положено, мол. А написал он, что дело состряпано из ничего, и вины своей он, понимаешь ли, не признаёт.

Итак, передали его дело на последнее решение. Думал ли наш старый приказчик, что до такой крайности дело дойдёт?

Теперь уж его старые друзья и соратники затревожились сильно. А друзей и соратников за его долгую жизнь у него было немало по его многолетней работе в горном-то деле.

Понятно, теперь уж и они стали ходатайства за него писать, что он — «знаковая фигура» в горном деле государевом. Старались и они разобраться, что же происходит.

Ну и к Верхнему Молодому Выскочке тоже пишут и идут выяснять, что к чему. Пишут, что старый приказчик имеет большие заслуги, человек честный и деловой, да и проблемы с этим его делом, похоже, надуманные.

А друзья-то эти и соратники — при высоких креслах да тоже с большими заслугами. Мимо ушей их запросы не пропустишь и от них не отмахнёшься.

Но Верхний Молодой Выскочка им одно твердит — вот, мол, пусть признает наш старый приказчик свою вину хоть частично, тогда дело это спустим на тормозах.

Как в народе гуторили, у этого Верхнего Молодого Выскочки большие «мохнатые руки» где-то наверху были. Может, это и болтовня совсем, но только он перед друзьями нашего мужика повыначивался и отказался пойти навстречу.

Вот тогда,что интересно, один из старых и добрых друзей нашего мужика стал его и уговаривать. Ну подумаешь, дело какое, признай хоть частично, на небольшую сумму, вину. Мол, дело-то, наверное, закроется, а мы тебе поможем деньжата собрать, чтоб внести их, куда положено. Сам, мол, сколько денег своих ты только на спецов потратил.

Наш упрямец, конечно, благодарит своего друга за «совет и заботу», но твёрдо так заявляет, что денег никаких ему не жалко, он готов и квартиру продать, чтоб расплачиваться со спецами. Но вину свою никогда не признает, чего бы это ни стоило, потому как честь и достоинство — важнее всего. Вот так.

И написал в сердцах наш старый приказчик стихотворение такое — как нашло на него:

Высоцкий пел надрывно про охоту —
«На серых хищников, матёрых и щенков»,
И мне хвалить его была охота –
За дерзость! Да! За то, что он таков!

Но в песне были волки и волчары
Сторонние. Там был совсем не я.
Ах, как мы ими восхищались яро –
И я, и все соратники, друзья.

Но вот однажды в некое мгновенье
Я обнаружил, нервами звеня,
В огромном, страшном, диком потрясеньи,
Что началась охота… на меня!

Охотник был сопливый, но у власти,
Не зная, что поставить мне в вину,
Натравливать стал на меня напасти,
Знать, был уверен: «Я его сомну!»

Но я не сник и не упал я духом,
И хвост я не поджал пред тем хамьём,
Друзья не предали и не поддались слухам,
Позорящим достоинство моё.

Нет, я не сдамся, недруг, злобной силе.
Мне мужества, ты знай, не занимать.
Сломить пытался, напрягая силы?
Меня убить лишь сможешь — не сломать!

Коль нету совести, то, знать, тебе не стыдно
За мерзкий твой, циничный, наглый блуд.
И всё же мне сегодня — не обидно:
Я знаю — есть, есть Высший — Божий суд.

Ну вот, а вскоре стал наш старый приказчик со своим спецом регулярно ходить на заседания в ту контору, где уже все решения окончательно принимают.

Теперь он уже не только мог прочитать, но и услышать, что свидетели, все его бывшие работники, в этом Решающем заведении говорят.

Написано-то у допросчика одно, а свидетели утверждают, что таких показаний не говорили, а что написано, так это же всё неправда! Как-чудно́ сказала одна свидетельница — в протоколах их допросов «полная лажа», потому как она говорила одно, а допросчик-то записал совсем другое. Она не глядя и подписала. И так — все свидетели бают!

В общем, оправдывают онивсе нашего старого приказчика и вины его не видят. Не знаем, мол, таких фактов. Кто протоколы обвинений составлял, кто и когда цифры ущерба надуманно насчитал — никто не видел и не знает.

Даже тот Аккуратный заместитель, что приказчиком стал, говорит, что, мол, протокол ущерба утвердил, но кто его составлял и что за цифры там стоят, не знает. А утвердил, потому что боялся Молодых Выскочек. Вот такое вот объяснение! И вообще, говорит, меня ни о чём больше не спрашивайте, я на голову больной, ничего не помню.

Смех сквозь слёзы, что тут ещё скажешь.

Да и тот Молодой Выскочка, которого из столицы всё-таки вызвали, говорит, что, мол, кто цифры ущерба считал,не знаю, и в этих делах не разбираюсь, да и вообще допуска к секретным работам у меня нет и не было.

Да-а! Ну и что тут сказать!

А тот Строгий Чин, который заседание ведёт, поначалу-то всех свидетелей явно подбивал, чтоб, значит, оговорили старого приказчика.

Да те все, как в один голос, говорят — не знаем мы таких фактов, а верим ему, потому как очень много лет его знаем. Что там в протоколы писалось, неизвестно.

Но вот что удивительно. Время-то идёт, заседания месяцами тянутся, а спец его,помощник-то,знай, денежки получает, но сам ничего не делает, не выступает, не пишет никаких ходатайств. Рано ещё, всё твердит, рано!

Понял наш старый приказчик, что и этот спец его надувает. Денежки исправно получает, а сам ничего не делает.

Знамо дело, рассчитал наш страдалец и его. Тоже, понял, боялся и он той известной конторы.

Стал новых помощников искать, ведь люди нужны ему толковые и грамотные, да и характером чтоб не боязливые были. Ну и чтоб все хитрости и выдумки, которые на него наклепали, отвернуть сумели бы.

Ну и нашёл. Аж двоих сразу. Да они и сами ему сказали: такое дело одному спецу трудно вести, надо вдвоём браться.

И, правду сказать,условия оплаты их труда терпимые установили. Поняли, что мужик наш уже на мели с деньгами сидит. С пенсии-то не разбежишься.

Надо сказать, за дело взялись они, чувствуется, по совести.

Бумаги всякие пишут, выступают горячо и резко,доказательно,всё по делу. Нашему мужику-то на душе и полегче стало. Чем дело закончится, неизвестно (ведь с генералами воюют), но всё-таки есть люди, которые за него и переживают, и сражаются.

А дни, недели и месяцы бегут. Все нервы истрёпаны, здоровьишка у старика почти не осталось.

Но тот, который окончательное решение должен принять, человек пожилой,сурьёзный, всё тянет и тянет. Стало известно, что просит он по состоянию здоровья на пенсию его отпустить, а с него всё требуют,чтоб сначала строгое решение по делу нашего мужика принял, а только потом уж и на пенсию пойдёт.

Короче, получилось так, что нашего старого приказчика опять в лекарню срочно положили,вот тогда этот Строгий Чин на пенсию-то и ушёл. А решения по делу нашего старого приказчика не принял. Наверное, не хотел перед пенсией своей грех на душу взять — невиновного человека виновным признать. По крайней мере, так многим и подумалось.

И тут назначают на рассмотрение этого дела нового человека, молодого и неопытного ещё.

Спецы-то нашего мужика, шустрые такие, следят, как тот человек дело начал вести и смекают, что не поймёт он, в чём же винят их мужика, и вины его сам тоже не видит.

Говорят старику, наверное, будет оправдательное решение — так спецы соображают.

Да не тут-то было! Опять!!! Зачастили туда в эту службу, да не по одному, люди из той конторы, что обвинение готовила. Стали, понятное дело, давить. Что ж удивляться, что и тут труханули. Ведь известно — отСамой Строгой Контрольной конторы многое зависит.

Вот и начал молодой-то этот Чин опять на заседаниях старое гнуть. Что свидетели ни говорят, а он, понимаешь, только из материалов допросчика вину нашего мужика и вычитывает.

А в это время один дружок нашего страдальца из столицы звонит и говорит, что сильно переживает за него и знает, мол, одного генерала, который во всех таких делах досконально разбирается. Вот тебе, значит, и надо, мол, с ним посоветоваться, ведь этот генерал из той же системы, всё знает.

Что ж, приехал наш мужик в столицу, встретился с этим генералом, всё ему подробно рассказал и показал.

А тот даже смеётся. Говорит, чего, мол, удумали — такую чепуху на тебя возвести. Пусть твои спецы мне вопросы сформулируют, я на всё и отвечу по делу.

Так и сделали. Написал этот генерал знатную бумагу, ответил на все вопросы, много листов исписал и всё доказывает — по законам! — что вины никакой у нашего старика нет.

Обрадовались его спецы. Говорят, теперь дело-то к добру пойдёт.

Да опять — не тут-то было!

Новыйрассмотритель бумагу эту в дело-то принял, а спустя некоторое время и гуторит, что я её к окончательному рассмотрению не принимаю, потому как тот генерал подписки, что врать не будет, не давал.

Смех, да и только! Знать, надавили и на него знатно. Поняли тогда наши страдальцы, что с генералами воевать, пусть и за справедливое дело, — задача, можно сказать, непосильная.

Ведь ни один закон наш старик не нарушал, ни один свидетель малой вины нашего старого приказчика не показал! Ан нет, молодой Чин читает в обвинениях только то, что когда-то допросчик из конторы написал, читает слово в слово.

Опять всё изменилось! Вроде невиновен человек, а если очень надо, то вину придумают, получается.

Но вот подошло время, когда окончательное решение молодой Чин должен принять.

Выступают горячо и по сути спецы нашего ответчика, доказывают, понимаешь ли, по закону, что он никаких преступлений не совершал.

А потом и сам старый приказчик стал выступать. Старый я, говорит, всю жизнь в своём горном деле честно трудился, пользу государству большую принёс, законы соблюдал, а вот на тебе — удумали на меня возвести чушь несусветную, и не стыдно ведь никому, кто это чепуху придумал.

Не виноват я, говорит, и вины своей, ни малой её толики, не признаю. И читает, понимаешь ли, такие свои стихи:

Я недругом колесованный,
И точит палач топоры.
Я сгусток нервов, спрессованный
До степени «чёрной дыры».

Душа полна напряжения
Плазменных мегаватт,
А выход из положения –
Сказать, что я виноват.

Бесстыдство и лицемерие
Готовят своё торжество.
Но нет! Есть друзей доверие,
Достоинства божество.

Огромным души усилием,
Ума жестокой борьбой
Схлестнусь я со лжи насилием,
Останусь самим собой.

А в заключение снова добавил,упрямец, что будет биться до конца, доказывая свою невиновность, не глядя ни на какие денежные издержки. Потому как честь и достоинство — превыше всего.

Не знамо нам, повлияли ли эти стихи и сказанные слова на приговор,только молодой Чин сначала заявил, что обвинение доказано полностью и потому наказывает он нашего старого приказчика по закону… представьте, махоньким штрафом.

Вот те раз! Это что же?

Чтоб, значит, все поняли, что если хоть кто и не виноват, но виноват будет, если кому-то надо? Так, по крайней мере, из этой сказки и видно, понимаете ли.

Вот такая вышла сказка — как трудно бывает мужикам-то с генералами воевать. Трудно, конечно. Может, почти и невозможно. Но, как в сказке этой рассказано, духом падать не надо, а за правду бороться, несмотря ни на что. Так ведь?

Ну да ладно. Сказка, как известно, ложь. Впрочем, знаете ли, есть в ней намёк — добрым молодцам — в урок.